Б 11 02
194

Б. В. Никольскій.

Д. 5216 а
19 янв. 1915 г

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО
КНЯЗЬ
ОЛЕГЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ

† 29 сентября 1914 года.

Оттискъ изъ «Историческаго Вѣстника» № 11.

ПЕТРОГРАДЪ
1914

Б. В. Никольскій.

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО

КНЯЗЬ

ОЛЕГЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ

† 29 сентября 1914 года.

Оттискъ изъ «Историческаго Вѣстника» № 11.

ПЕТРОГРАДЪ
1914

Гос. Ист. Научн. Б-ка
Инвент. № 317719
193 г.

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕР. РОСС. ИСТОР. МУЗЕЯ

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

Двадцать седьмого сентября, согласно сообщенію штаба верховнаго главнокомандующаго, при слѣдованіи заставъ нашей передовой кавалеріи были атакованы и уничтожены германскіе разъѣзды. Частью нѣмцы были изрублены, частью взяты въ плѣнъ, причемъ доскакавшій первымъ до непріятеля корнетъ его высочество князь Олегъ Константиновичъ былъ раненъ легко въ ногу навылетъ.

Эти первыя свѣдѣнія съ мѣста столкновенія, къ несчастію, не подтвердились и рана оказалась смертельной. Уже 29-го сентября отъ уполномоченнаго Краснаго Креста пришла телеграмма, что князь помѣщенъ въ витебскій госпиталь, находящійся въ районѣ дѣйствующей арміи, и что его высочеству произведена операція при участіи четырехъ профессоровъ. 30-го же сентября было опубликовано, что 29-го, въ восемь часовъ двадцать минутъ вечера, по принятіи Св. Таинъ, князь Олегъ Константиновичъ почилъ на рукахъ августѣйшихъ родителей и брата, князя Игоря Константиновича. Въ тотъ же день стало извѣстно, что Государь Императоръ 28-го сентября всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать князю Олегу Константиновичу орденъ святого великомученика и побѣдоносца Георгія четвертой степени за мужество и храбрость, проявленныя при стычкѣ и уничтоженіи германскихъ разъѣздовъ, причемъ его высочество первымъ доскакалъ до непріятеля, врубился въ него и получилъ рану, отъ которой и скончался.

Князь Олегъ Константиновичъ, четвертый сынъ великаго князя Константина Константиновича и великой княгини Елисаветы Маврикіевны, правнукъ императора Николая Павловича, родился 15-го ноября 1892 года и въ 1902 году былъ зачисленъ въ кадеты полоцкаго кадетскаго корпуса, гдѣ ежегодно сдавалъ экзамены, проходя на дому весь курсъ преподаваемыхъ въ корпусѣ наукъ, дополненный, конечно, и углубленный особенно тщательнымъ изученіемъ трехъ новыхъ языковъ, изящной словесности, обученіемъ игрѣ на фортепіано и постояннымъ общеніемъ съ тѣмъ просвѣщеннымъ и разнообразнымъ кругомъ, въ которомъ юный князь неизмѣнно вращался. По окончаніи курса, въ виду сложившагося желанія князя получить высшее гражданское образованіе, его высочеству было высочайше разрѣшено поступить въ 1910 году, на общихъ основаніяхъ, въ императорскій Александровскій лицей для прохожденія, на старшемъ курсѣ, юриди-

ческихъ и политическихъ наукъ, причемъ князю было предоставлено, согласно его желанію, носить лицейскій мундиръ и подчиняться всѣмъ порядкамъ лицейской жизни, сдавая наравнѣ со всѣми переходные и выпускные экзамены. Нездоровье князя повело однако къ тому, что и первый, и второй годъ пребыванія въ лицеѣ его высочество былъ лишенъ возможности посѣщать лекціи и сдавать репетиціи и занимался на дому, въ Павловскѣ, гдѣ проходилъ лицейскую программу подъ руководствомъ особо приглашенныхъ преподавателей. Это обстоятельство было использовано въ интересахъ его высочества въ томъ смыслѣ, что чтеніе лекцій и руководство его занятіями было поручено по возможности профессорамъ и ученымъ, имѣющимъ въ сферѣ своей спеціальности практическій и служебный опытъ. Такъ, уголовное право и судопроизводство князю преподавалъ министръ юстиціи статсъ-секретарь И. Г. Щегловитовъ, статистику, политическую экономію и финансы сенаторъ В. Т. Судейкинъ, римское и гражданское, а также государственное право и энциклопедію Б. В. Никольскій, философскія науки Э. Л. Радловъ, исторію русскаго права Ѳ. В. Тарановскій, русскую и всеобщую исторію преподававшій его высочеству съ шестнадцатилѣтняго возраста и особенно горячо имъ любимый профессоръ П. Г. Васенко, и вмѣстѣ съ ними прежніе наставники и руководители князя, гг. Кульманъ, Байльи-Контъ и другіе. Общее же руководство образованіемъ и воспитаніемъ князя всегда принадлежало генералу Н. Н. Ермолинскому, бывшему, несомнѣнно, самымъ близкимъ его высочеству человѣкомъ, наставникомъ и довѣреннымъ лицомъ. На третій годъ пребыванія въ лицеѣ князь Олегъ Константиновичъ уже посѣщалъ всѣ лекціи и занимался самостоятельно во всѣхъ отношеніяхъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что и на первыхъ двухъ курсахъ была одна область, гдѣ князь работалъ самъ и прибѣгалъ лишь въ самой малой степени къ содѣйствію своихъ преподавателей,—это были письменныя работы. Кромѣ просьбъ о библіографическихъ указаніяхъ, о разъясненіи встрѣтившихся въ литературѣ неясныхъ или трудныхъ мѣстъ или о переводѣ латинскихъ или греческихъ цитатъ и, наконецъ, прочтенія иногда вслухъ для критики нѣкоторыхъ страницъ, гдѣ юный авторъ былъ особенно не увѣренъ въ себѣ, князь ни за какою помощью ни къ кому не обращался, даже, напротивъ, съ какимъ-то ревнивымъ чувствомъ скрывалъ свои работы, пока не доводилъ ихъ до конца. Съ благороднымъ честолюбіемъ молодости онъ хотѣлъ быть въ полномъ смыслѣ слова единственнымъ авторомъ своихъ сочиненій и быть самому себѣ обязаннымъ своимъ успѣхомъ или неуспѣхомъ. Впрочемъ, послѣдняго его высочеству опасаться было нечего при той исключительной добросовѣстности, вдумчивости и серьезности, съ которыми онъ вообще относился ко всѣмъ своимъ обязанностямъ. Для этихъ работъ князь преимущественно выбиралъ вопросы изъ области русской политической литературы XVIII вѣка. Такъ, въ третьемъ классѣ его сочиненіе было посвящено политическимъ воззрѣніямъ князя М. М. Щербатова, во второмъ классѣ—«Правдѣ о волѣ монаршей» и вопросу о вліяніи Гоббса на Ѳеофана Прокоповича. За послѣднюю работу князь былъ удостоенъ установленной для награды за особо успѣшныя сочиненія Пушкинской медали. Отлично сдавая всѣ экзамены, его высочество кончилъ

Его высочество князь Олегъ Константиновичъ.

курсъ въ 1913 году съ медалью, причемъ работалъ, воистину не жалѣя себя и не щадя своихъ силъ. Это отразилось очень неблагопріятно на его деликатномъ сложеніи и здоровьи и сразу по окончаніи курса князь заболѣлъ плевритомъ и воспаленіемъ легкихъ, отъ которыхъ медленно оправлялся въ Крыму, въ особенности потому, что болѣзни совпали съ чрезвычайно быстрымъ физическимъ ростомъ его высочества. Осенью того же года воспаленіе легкихъ повторилось въ весьма опасной формѣ, но юный и чистый организмъ больного выдержалъ борьбу съ опаснымъ недугомъ.

Пребываніе въ лицеѣ не отклонило князя отъ военной службы и по окончаніи курса наукъ онъ пожелалъ вступить въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ. Не бывъ въ военномъ училищѣ, его высочество по закону не имѣлъ права на производство сразу въ офицеры и не остановился передъ тѣмъ, чтобы начать службу вольноопредѣляющимся. Однако, къ общей радости и удовлетворенію всѣхъ его знавшихъ, князь былъ немедленно, внѣ правилъ, произведенъ Высочайшимъ приказомъ въ корнеты. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Германіи гусарскій полкъ однимъ изъ первыхъ выступилъ въ походъ, вскорѣ попалъ на боевую линію, и князь, вмѣстѣ съ августѣйшими братьями, князьями Гавріиломъ и Игоремъ Константиновичами, началъ свою походную жизнь, столь же блистательную, сколь, увы, недолговременную.

Изъ появившихся въ печати разсказовъ и сообщеній можно ясно представить картину подвига, страданій и кончины князя. 27-го сентября, около трехъ часовъ дня, одна изъ походныхъ заставъ, въ составѣ третьяго взвода второго эскадрона, подъ командой его высочества, увидавъ противника, пошла ему навстрѣчу. Нѣмцы отстрѣливались. Князь, опередивъ далеко свой взводъ, помчался на врага и врубился въ разъѣздъ. Гусары доскакали до непріятеля, когда князь, уже раненый, покачнулся въ сѣдлѣ и упалъ на землю. Была ранена и его лошадь. Пять нѣмцевъ было зарублено, остальные взяты въ плѣнъ. Князь Гавріилъ Константиновичъ, бывшій со своимъ отрядомъ неподалеку и поскакавшій на выстрѣлы, засталъ брата еще въ сознаніи и услышалъ его слова: «Перекрести меня...» Фельдшеромъ Рудъ, а затѣмъ дивизіоннымъ врачомъ была сдѣлана раненому перевязка. Князь пожелалъ немедленно причаститься Св. Таинъ. Его уложили на литовскую арбу и по ужасной дорогѣ медленно повезли на ближайшую станцію, откуда съ экстреннымъ поѣздомъ отправили въ витебскую общину Краснаго Креста, въ Вильну. Этотъ мучительный путь въ цѣломъ занялъ пятнадцать часовъ. Тотчасъ по прибытіи въ общину была сдѣлана операція, причемъ выяснилось, что пуля, пробивъ правый сѣдалищный бугоръ и прямую кишку и раздробивъ сѣдалищную кость, застряла въ лѣвомъ сѣдалищномъ бугрѣ. Въ виду серьезныхъ опасеній зараженія крови рану оставили открытою. Питаніе производилось подкожно. Примѣнялись средства для облегченія страданій. Сознаніе не покидало больного до четырехъ часовъ пополудни 29-го сентября. Съ этого времени пульсъ и температура начали замѣтно падать, сознаніе стало слабѣть и появились явные признаки перитонита. Въ семь часовъ дня больному было сдѣлано впрыскиваніе физіологическаго раствора соли. Въ это время прибыли къ умирающему августѣйшіе родители. Сознаніе больного ненадолго прояснилось. Великій князь, наклонившись къ сыну, прикололъ къ его рубашкѣ пожалованный юному герою георгіевскій крестъ. Крестъ этотъ принадлежалъ дѣду князя, великому князю Константину Николаевичу. Умирающій трогательно обрадовался полученію именно этого креста. Затѣмъ началась агонія и въ 8 ч. 20 м. страдалецъ почилъ.

Таковъ былъ недолгій жизненный путь князя Олега Константиновича. Какъ ни молодъ былъ князь, онъ сумѣлъ обнаружить не надеждами только, но

живымъ дѣломъ свою прекрасную, благородную индивидуальность. Онъ искалъ въ жизни не удовольствій и развлеченій, а труда, знаній и подвига. Онъ не удовлетворялся тѣмъ, что̀ ему было дано отъ рожденія,—онъ хотѣлъ самъ заслужить отъ міра добрую славу и довѣріе и уваженіе отъ отечества. Онъ чтилъ свои прирожденныя права и охранялъ ихъ съ неизмѣннымъ достоинствомъ, но не дорожилъ суетными преимуществами и добровольно возлагалъ на себя всѣ обязанности, къ которымъ исключительное положеніе давало ему возможность. И его геройская кончина достойно увѣнчала это прекрасное существованіе. Правнукъ императора въ бою принесъ въ жертву родинѣ ту жизнь и кровь, которыя съ отроческихъ лѣтъ мечталъ посвятить на долгую службу Царю и отечеству.

Внутреннему строю души его соотвѣтствовалъ и внѣшній образъ князя. Стройный, легкій, изящный, въ каждомъ движеніи полный благородства и достоинства, даже въ минуты дѣтскихъ игръ и возни, онъ былъ одаренъ привлекательнымъ, добрымъ и открытымъ выраженіемъ лица. Ясные, умные и дѣтски-чистые глаза, подвижное, выразительное и нѣжное, какъ у ребенка, лицо съ прозрачнымъ и тонкимъ румянцемъ отражали всю его душу, то въ быстромъ весельи, то въ серьезности, мгновенно смѣнявшей шаловливыя настроенія. Вообще, серьезность, задушевность и жизнерадостность сочетались въ немъ во что-то безконечно милое, глубокое, какъ у взрослаго человѣка, правдивое, довѣрчивое и ласковое, какъ у ребенка. Звонкій, еще не сформировавшійся, голосъ, едва замѣтный пушокъ вмѣсто усовъ и бороды, свѣтлые волосы, голубые глаза, быстро вспыхивавшая на лицѣ отъ волненія краска и готовыя приступить къ глазамъ слезы, неудержимый хохотъ, когда что-нибудь очень его развеселитъ, стремительная готовность все забыть, все бросить и отдаться заботѣ о каждомъ нуждающемся, встрѣтившемся на его пути, словомъ, все внѣшнее и внутреннее очарованіе не омраченной жизнью молодости уравновѣшивались въ немъ изящнымъ и гордымъ чувствомъ своего нравственнаго достоинства. За него никогда не было страшно предъ какими угодно соблазнами и всегда страшно передъ всѣми опасностями,—такимъ хрупкимъ, такимъ неземнымъ, слишкомъ хорошимъ для жизни казался этотъ юноша-ребенокъ и такъ ясно было, что навстрѣчу всякой опасности онъ ринется, какъ къ желанной невѣстѣ, по выраженію великаго полководца.

Пишущему эти строки довелось познакомиться съ княземъ, когда ему еще не было восемнадцати лѣтъ, и съ великими надеждами и глубокою любовью слѣдить за его быстрымъ превращеніемъ изъ мальчика-кадета въ царственнаго юношу-гражданина. Надежды не сбылись, но любовь осталась и не терпитъ молчанія, когда скорбь всей Россіи окружаетъ геройскій образъ достойнаго правнука нашихъ императоровъ. Постараюсь въ немногихъ чертахъ обрисовать умственный и нравственный міръ князя Олега Константиновича, насколько онъ былъ мнѣ понятенъ, извѣстенъ и доступенъ.

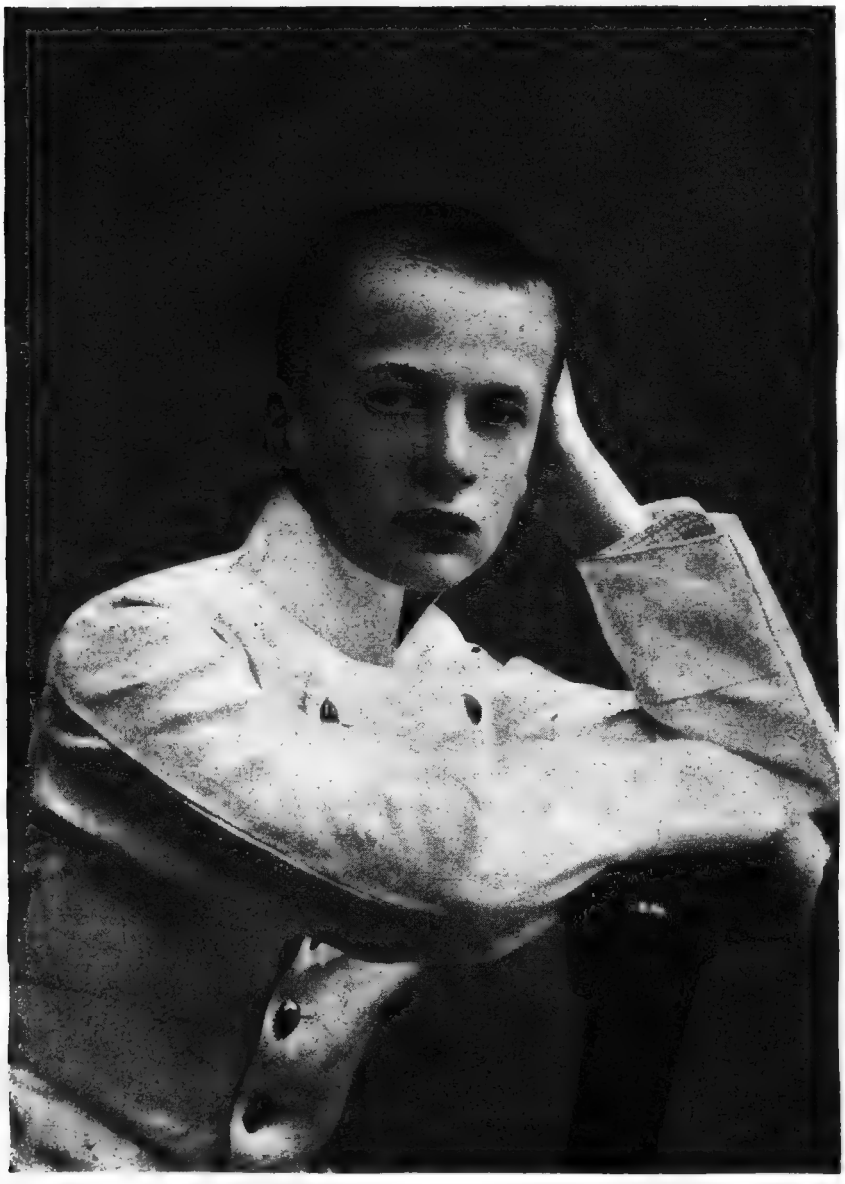
Съ дѣтскихъ лѣтъ и до конца онъ былъ полонъ ясною, глубокой и никакими сомнѣніями не омраченною вѣрою. Молитва и мысль о Богѣ были естественною потребностью его души. Какъ онъ любилъ своихъ родителей, какъ онъ благоговѣйно чтилъ и любилъ Государя и обожалъ наслѣдника

цесаревича, такъ же просто и непосредственно любилъ онъ Бога. Это выражалось даже во внѣшности: трогательно и умилительно было видѣть, какъ онъ стоялъ въ церкви, какъ крестился и кланялся во время молитвы,—ничего заученнаго или внѣшняго, все скромное, чинное и проникновенное. Любовь его къ вѣрѣ и церкви была именно такова же, какъ любовь къ родной семьѣ, родному языку,—она была его внутреннею природою. Не только собственныя сомнѣнія были ему чужды, но даже чужія, когда онъ съ ними въ жизни встрѣчался, вызывали въ немъ не споръ или осужденіе, но жалость и недоумѣніе.

Церковь онъ любилъ во всѣхъ явленіяхъ ея земного бытія: любилъ церковную службу, особенно торжественную, охотно принималъ въ ней, когда могъ, участіе; любилъ храмы, всего болѣе старинные храмы, съ ихъ таинственнымъ освѣщеніемъ и великолѣпными иконостасами; любилъ иконы, усердно хранилъ ихъ, старательно размѣщалъ и развѣшивалъ у своего изголовья и не разъ говорилъ, что изо всѣхъ получаемыхъ имъ приношеній и подарковъ всего болѣе дорожилъ подносимыми ему иконами; съ глубочайшимъ интересомъ слушалъ церковныя преданія и увлекался всякою возможностью богомолья къ историческимъ и прославленнымъ святынямъ. Его постоянною мечтою было съѣздить въ Брянскъ, въ монастырь, гдѣ почиваютъ мощи его святого, и тамъ отговѣть. Во время перенесенія въ Полоцкъ изъ Кіева мощей св. Евфросиніи князь участвовалъ въ торжественной встрѣчѣ св. мощей по дорогѣ изъ Витебска въ Полоцкъ и какъ кадетъ полоцкаго корпуса стоялъ его знаменоносцемъ по пути движенія процессіи 20-го мая 1910 года. Это было самое сильное впечатлѣніе князя во время первоначальнаго моего съ нимъ знакомства и онъ сохранилъ отъ этого торжества глубокій интересъ къ судьбѣ православія въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Когда я возвратился изъ моей поѣздки въ Мозырь, гдѣ выступалъ гражданскимъ истцомъ по дѣлу о кощунственной охотѣ на лисицъ въ приписной церкви святого Николая Чудотворца, князь съ жаднымъ интересомъ разспрашивалъ меня о всѣхъ подробностяхъ процесса, попросилъ у меня на память запись моей рѣчи и снимки съ осквернённой церкви и даже повѣсилъ эти снимки у себя надъ постелью, вблизи краснаго угла со множествомъ иконъ. Благочестивыя сердца могутъ даже усмотрѣть знаменательное совпаденіе въ томъ, что его геройскій путь завершился въ витебскомъ лазаретѣ Краснаго Креста, гдѣ, несомнѣнно, была икона святой Евфросиніи, со знаменемъ и молитвою встрѣченной имъ когда-то въ ея родовой вотчинѣ.

Любовь къ Государю и отечеству была у князя Олега Константиновича столь же непосредственна и чиста, какъ къ Богу и церкви. Личная и родственная близость къ Императору только усиливала и, если можно такъ выразиться, упрощала его чувства. Царь былъ для него не только тѣмъ, чѣмъ онъ является войскамъ, народу и даже большинству представляющихся Его Величеству,—властнымъ, величественнымъ и безконечно милостивымъ видѣніемъ, недоступнымъ и боготворимымъ, самодержавнымъ символомъ нашего государственнаго существованія: для него Государь былъ, кромѣ того, и кровно близкимъ и беззавѣтно любимымъ человѣкомъ, за чье одобреніе онъ съ радостью готовъ былъ отдать и жизнь, и всѣ силы.

Патріотизмъ князя господствовалъ надъ всѣми его мыслями и чувствами. Отъ рожденія предназначенный къ почестямъ и власти, онъ мечталъ не только получить, но и заслужить ихъ, какъ обыкновенный смертный. Въ продолжи-



Его высочество князь Олегъ Константиновичъ.

тельныхъ бесѣдахъ со мной онъ разбиралъ нерѣдко различные виды возможной для него служебной дѣятельности и обсуждалъ ихъ съ точки зрѣнія ихъ пользы, интереса, согласимости съ его общественнымъ положеніемъ и личными симпатіями. Должности сенатора, члена государственнаго совѣта по назна-

ченію и по выбору отъ дворянства, члена военнаго суда, генералъ-губернатора, городского головы, мирового судьи, попечителя учебнаго округа—обсуждались одна за другою въ самой фантастической послѣдовательности, съ мечтательностью ребенка и съ тактомъ и проницательностью князя императорской крови. Ему хотѣлось какъ можно глубже и основательнѣй ознакомиться съ русскою жизнью и дѣйствительностью, вездѣ побывать, все осмотрѣть, все разузнать, заглянуть во всѣ уголки, облетѣть невидимкою всю Россію и тогда всѣмъ помочь, за всѣхъ заступиться, похлопотать, отстоять по личнымъ наблюденіямъ всѣ нужныя улучшенія и преобразованія, заслужить общее довѣріе и уваженіе... Благородныя, не сбывшіяся мечты прекрасной молодости!

Патріотизмъ князя не былъ, однако, вдохновителемъ честолюбія: напротивъ, онъ неразрывно сливался въ его душѣ со строгимъ чувствомъ долга. Мечтая о просвѣщенной гражданской дѣятельности, онъ всѣ мечты свои забывалъ, едва заходила рѣчь о возможной войнѣ. Онъ говорилъ, что не остановится ни передъ какими просьбами и усиліями, только бы попасть на боевую линію, а тамъ—что̀ Богъ дастъ. Онъ всегда помнилъ, что стоитъ на виду, что его жизнь—примѣръ для другихъ, и обращеніемъ къ этой мысли его легко было увлечь на какой угодно трудъ. Вскорѣ послѣ начала нашихъ занятій энциклопедіею права, смущаясь трудностью учебника Коркунова, онъ сказалъ, что боится получить семерку или восьмерку. Я отвѣтилъ, что и я этого очень боюсь, такъ какъ такая отмѣтка была бы имъ получена въ послѣдній день нашихъ съ нимъ занятій. Князь разволновался, вспыхнулъ и сказалъ, что не узнаетъ меня: не все ли мнѣ равно, какую ему поставятъ отмѣтку, если я знаю, что онъ дѣйствительно занимается, вполнѣ добросовѣстно? Вѣдь вотъ и великій князь сказалъ, что его императорскому высочеству это все равно. Я отвѣтилъ, что, несомнѣнно, великому князю это все равно, ибо его императорское высочество знаетъ своего сына и вѣритъ ему; но мнѣ не все равно, такъ какъ никто не знаетъ, какъ я руковожу его занятіями; неудовлетворительная отмѣтка будетъ поставлена не ему, а мнѣ, и засвидѣтельствуетъ о моей неспособности. «Но я думаю,—прибавилъ я,—что и для васъ это не совсѣмъ безразлично. Ваши товарищи на васъ смотрятъ и считаются съ вашимъ примѣромъ. Хорошо ли будетъ, если хоть одинъ изъ нихъ на упреки родителей въ не особенно успѣшныхъ занятіяхъ сошлется на еще болѣе слабыя отмѣтки августѣйшаго товарища? Вѣдь на воспитаніе и образованіе вашихъ товарищей ихъ родители тратятъ большія деньги, часто тяготясь этими расходами,—а какъ Россіи нужны образованные дѣятели! Между тѣмъ по основнымъ законамъ вы, правнукъ императора, получаете изъ народныхъ денегъ, изъ государственнаго казначейства, по десять тысячъ рублей въ годъ на ваше воспитаніе и содержаніе,—да еще до преобразованій императора Александра III получали бы гораздо больше...» У князя Олега Константиновича все лицо загорѣлось воодушевленіемъ, онъ быстро обнялъ меня, расцѣловалъ, поблагодарилъ и сказалъ, что изо всѣхъ силъ будетъ добиваться высшихъ отмѣтокъ. «Теперь я понимаю, что Александръ III нашъ благодѣтель,—воскликнулъ онъ.—Какой я счастливый, что онъ мой крестный отецъ!»

Ни въ чемъ чувство долга и внутренняго достоинства не проявлялось у князя такъ сильно и трогательно, какъ въ его стремленіи къ правдивости. Онъ порою волновался, прямо мучился, предвидя какія-нибудь столкновенія житейскихъ требованій съ нежеланіемъ въ чемъ-либо покривить душой, и часто съ удивительнымъ тактомъ изобрѣталъ выходъ изъ этихъ затрудненій. Если это ему самому не удавалось, онъ совѣтовался съ тѣми, кому довѣрялъ, и не успокаивался, пока не находилъ удовлетворительнаго исхода. Однажды, будучи уже въ первомъ классѣ, онъ пріѣхалъ ко мнѣ посовѣтоваться, какъ ему быть. Въ курсѣ его профессора важный государственный вопросъ рѣшался въ такомъ смыслѣ, который не соотвѣтствовалъ его собственнымъ убѣжденіямъ и пониманію гражданскаго долга. Князь ни за что не хотѣлъ, если этотъ вопросъ ему попадется, отвѣчать безъ оговорокъ о своемъ несогласіи и предложилъ мнѣ нѣсколько придуманныхъ имъ редакцій. Всѣ онѣ были очень умны и тактичны, но я откровенно сказалъ, что нахожу ихъ неудовлетворительными. Князь императорской крови долженъ быть примѣромъ не только твердости и правдивости, но и дисциплины. Умѣстно ли на экзаменѣ, при ассистентахъ и товарищахъ, въ той или другой формѣ высказывать порицаніе профессору? «Но я не хочу, чтобы подумали, будто я съ нимъ согласенъ. Я съ нимъ совершенно несогласенъ, и его мнѣніе невѣрно. Вы сами это знаете». «Знаю, но нахожу, что высказывать свое разногласіе при торжественной обстановкѣ выпускного экзамена было бы демонстраціею, совершенно неумѣстной, и соблазнительнымъ примѣромъ для товарищей,—да еще на политической почвѣ! Притомъ, согласны ли вы, или несогласны съ вашимъ профессоромъ, вы должны знать то, что̀ изложено въ его курсѣ. Не достаточно ли будетъ, поэтому, если вамъ попадется этотъ злополучный билетъ, начать вашъ отвѣтъ словами: въ вашемъ курсѣ, господинъ профессоръ, этотъ вопросъ разрѣшается такъ-то и такъ-то,—и отвѣтить до конца. Тогда ни демонстраціи не будетъ, ни недоразумѣнія: вы изложите то рѣшеніе, которое вовсе не обязаны раздѣлять, но которое выучить и знать обязаны». Надо было видѣть, какъ обрадовался князь этой мысли и съ какимъ удовольствіемъ воскликнулъ, что именно такъ и отвѣтитъ. «Теперь,—повторялъ онъ,—я ничего не боюсь,—а то покривить душою для меня хуже, чѣмъ срѣзаться».

То же чувство долга, и не заученное, но живое, непосредственное, какъ жизнь и дыханіе, проявлялось въ удивительномъ прилежаніи князя. Пятнадцать лѣтъ занимаясь профессорскою дѣятельностью въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, я не помню ученика, который могъ бы съ нимъ сравниться по трудолюбію и добросовѣстности. Его умъ былъ въ высшей степени конкретный, наблюдательный; память его удерживала какъ тисками все фактическое: имена, даты, названія,—какъ разъ то, что̀ обыкновенно всего труднѣе запоминается [1]); но зато все отвлеченное, всѣ обобщенія, вся діалектика, опредѣленія, умозаключенія давались ему очень медленно и трудно. Ему легче было буквальн-

[1]) Князь поразилъ меня однажды, по третьему чтенію запомнивъ все дѣленіе свода законовъ и безъ запинки отвѣчая и подъ рядъ, и въ разбивку на всѣ мои вопросы, даже самые коварные.

но заучить нѣсколько страницъ Коркунова, чѣмъ составить изъ нихъ краткое извлеченіе. Предоставляю каждому судить, какого труда ему стоило усвоить этотъ превосходный, но труднѣйшій учебникъ,—а между тѣмъ онъ выучилъ его образцово и отвѣтилъ на экзаменѣ великолѣпно. Занятія были для него въ полномъ смыслѣ слова подвигомъ и онъ относился къ нимъ, какъ къ подвигу. Онъ готовился къ экзамену съ такимъ настроеніемъ, точно говѣлъ, а на экзаменъ шелъ, какъ на исповѣдь. Но чѣмъ труднѣе была работа, тѣмъ болѣе радовалъ его успѣхъ, и послѣ каждаго удачнаго экзамена, счастливый побѣжденною трудностью, онъ загорался рѣшеніемъ преодолѣть еще большую. Не кончивъ еще лицея, князь уже проникся желаніемъ непремѣнно сдать государственные экзамены, а тамъ получить и ученую степень, пройдя всѣ ея мытарства, магистерскіе экзамены, защиту диссертаціи... Мнѣ кажется, что это было у него не мимолетною фантазіею, но серьезнымъ рѣшеніемъ,—особенно, что̀ касается государственныхъ экзаменовъ. Онъ даже выбралъ университетъ, гдѣ будетъ ихъ сдавать, отдохнувъ послѣ лицея,—московскій, старѣйшій и славнѣйшій изъ нашихъ университетовъ.

Проникнутый этими прекрасными идеалами, полный силъ и надеждъ, князь Олегъ Константиновичъ жилъ всецѣло умственной и духовною жизнью. Онъ отнюдь не былъ, однако, юношей-отшельникомъ, чуждымъ удовольствій своего возраста: напротивъ, онъ любилъ общество, театръ, музыку, охоту, верховую ѣзду, всякія забавы на открытомъ воздухѣ, даже просто возню съ тѣми, кого считалъ *своими*. Добрѣйшій П. Г. Васенко особенно часто подвергался внезапнымъ атакамъ своихъ августѣйшихъ учениковъ и хотя въ большинствѣ случаевъ отражалъ ихъ съ истинно-русскою стойкостью, но случалось и ему оказываться жертвой искуснаго маневрированія непріятеля, а мнѣ приходить ему по-товарищески на выручку. Съ какимъ горестнымъ чувствомъ вспоминаются намъ теперь и эта возня, и этотъ шумъ, и общій смѣхъ въ перерывы между лѣкціями и занятіями!

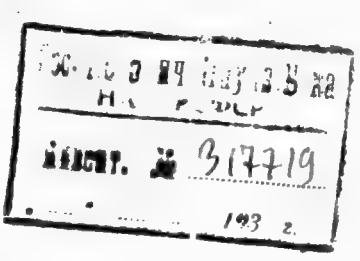
Но быстрые переходы отъ веселья къ дѣлу составляли одно изъ главныхъ очарованій князя. Едва успѣвъ соскочить съ коня, едва закончивъ ожесточенный бой на оттоманкѣ, еще запыхавшись отъ движенія, онъ переходилъ уже къ серьезной бесѣдѣ, забрасывалъ вопросами о политикѣ, о наукѣ, о книгахъ,—особенно о книгахъ, которыя составляли предметъ нашихъ постоянныхъ бесѣдъ. Будучи самъ неизлечимымъ библіофиломъ, я невольно заразилъ этою страстью своего августѣйшаго ученика, и безъ меня къ ней предрасположеннаго, и онъ началъ составлять библіотеку, преимущественно русскую, причемъ сразу увлекся самыми погибельными крайностями этого спорта,—любовью къ первымъ изданіямъ, къ необрѣзаннымъ экземлярамъ, къ изданіямъ на большой бумагѣ и даже, насколько хватало времени, къ личнымъ поѣздкамъ по букинистамъ, переговорамъ съ ними въ телефонъ, просмотромъ на дому отобранныхъ по каталогамъ номеровъ, особенно охотно обращаясь къ содѣйствію симпатичнаго и почтеннаго Н. В. Базыкина. «Не успокоюсь,—говорилъ мнѣ князь,—пока не составлю библіотеки лучше вашей, и нарочно закажу себѣ такіе же шкапы, какъ у васъ, только еще шикарнѣе!»

Литературные интересы на ряду съ научными поглощали досуги князя.

Онъ самъ пробовалъ писать, и стихами, и прозою, но это были, къ несчастію, лишь начинанія, которымъ суждено остаться не завершенными. Научныя работы, впрочемъ, болѣе привлекали его къ себѣ. Благоговѣйно чтя память своего дѣда, великаго князя Константина Николаевича, онъ горячо увлекся мыслью составить жизнеописаніе своего августѣйшаго предка и выяснить полностью его во многихъ отношеніяхъ затуманенный легендой и тайной образъ. Князь очень желалъ ознакомиться для этой цѣли съ бумагами А. В. Головнина, сданными на храненіе въ Публичную библіотеку, и я заручился для его высочества согласіемъ ближайшихъ родственниковъ знаменитаго министра на предоставленіе князю, съ надлежащаго соизволенія, права досрочно ознакомиться съ этими цѣнными матеріалами. Съ другой стороны, почитая Пушкина по завѣтамъ своего дома и личному увлеченію, князь рѣшилъ издать въ видѣ точныхъ факсимиле всѣ уцѣлѣвшія рукописи Пушкина. Первый выпускъ, поступившій и въ продажу въ пользу Пушкинскаго лицейскаго музея, содержитъ въ себѣ воспроизведеніе лицейскихъ автографовъ. Слѣдующій долженъ былъ быть посвященъ автографамъ, хранящимся въ Румянцовскомъ музеѣ. Были у его высочества и другія начинанія, цѣлый рядъ начинаній,—одно другого патріотичнѣй и благороднѣе,—но вражеская пуля навсегда оставила ихъ не завершенными...

Немногія строки, мною набросанныя, далеко не полны и не достаточно ярки для характеристики той исключительно благородной и одаренной натуры, какою былъ почившій князь Олегъ Константиновичъ; но слова и разсказы теперь и безполезны. Жестокій рокъ не судилъ ему исполнить всѣ надежды, какія могла возлагать на него Россія, но онъ завершилъ свою жизнь величайшею евангельской жертвою, положивъ душу свою, отдавъ молодую, чистую и прекрасную жизнь свою за ближнихъ и родину. Онъ не заполнилъ многихъ страницъ исторіи славою своего имени, но та, на которой онъ не будетъ забытъ, останется одной изъ прекраснѣйшихъ. А намъ, знавшимъ и любившимъ князя, онъ останется до конца дней нашихъ лучезарнымъ воспоминаніемъ, воплощеніемъ молодости, красоты, чистоты, благородства, дарованій, надеждъ, ничѣмъ не омраченнымъ, ничѣмъ не угасимымъ. Объ его святой памяти каждый изъ насъ можетъ повторить вдохновенные стихи великаго мудреца древности, «божественнаго» Платона:

Между живыми сіялъ ты намъ звѣздой предразсвѣтной,
Умеръ—и между тѣней свѣтишь вечерней звѣздой.


Инвент. № 317719
193 г.

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА.

Безъ страха, прямъ, открытъ и свѣтелъ,
Какъ воплощенный правый гнѣвъ,
Врага онъ грудью въ битвѣ встрѣтилъ,
Но Божій перстъ его отмѣтилъ,
Его уста запечатлѣвъ.
Онъ жилъ лишь тѣмъ, что̀ чисто и прекрасно.
Герой въ душѣ, отчизны вѣрный сынъ,
Онъ за нее помчался въ бой опасный,
Навстрѣчу вражескихъ дружинъ.
Онъ жаждалъ подвига—и подвигъ совершился:
Онъ отдалъ жизнь свою за то, чѣмъ въ мірѣ жилъ...
Запомни, край родной, кого ты въ немъ лишился,
Какой онъ жертвою свой подвигъ освятилъ!
Онъ умеръ для земли, онъ сталъ добычей тлѣнья,
Прекрасный, свѣтлый, молодой,
Но въ памяти людей онъ въ сумракѣ забвенья
Зажжется яркою, немеркнущей звѣздой.
А нынѣ, въ скорбный часъ, съ молитвами живыми
Услыши, Господи, нашъ горькій плачъ земной
И въ Царствіи Твоемъ, съ блаженными святыми,
Его безсмертный духъ навѣки упокой.

А. Б. Никольская.

КОПИРОВАНИЕ

9.06.92